

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Зипунова Андрея Вячеславовича на тему «Макросемантические категориальные структуры в текстах авторской песни 1950–80-х гг.», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 — русская литература и литературы народов Российской Федерации

Об актуальности темы диссертационного исследования Андрея Вячеславовича Зипунова сигнализирует уже избранный соискателем аналитический ракурс. Сведений об авторской песне, неоднократно попадавшей в поле зрения не только литературоведов и лингвистов, но и культурологов, накоплено немало, однако подавляющее большинство работ посвящено частным аспектам творчества В. Высоцкого, А. Галича, Ю. Кима, Б. Окуджавы и др. и не претендует на выявление ее инвариантных типологических характеристик. Цель же А. В. Зипунова представляется принципиально иной (и — добавим — куда более амбициозной): рассмотрение под одним углом зрения эстетически очень по-разному ориентированных поэтов позволяет увидеть (и показать) авторскую песню 1950–80-х гг. как целостное явление, устойчивое в своих контурах (диссертантом предпринята попытка собственно филологическими средствами «отграничить» его от смежных феноменов — эстрады и рока, с. 11–12). Особенного одобрения заслуживает материал работы: внимание, наряду с признанными классиками, к явно периферийным фигурам литературного процесса (а среди них такие некогда популярные поющие поэты, как М. Анчаров, Н. Матвеева, А. Мирзаян и др.) не может не приветствоваться (с. 12–13). Объектом исследования становятся макросемантические категориальные структуры, выступающие в функции типологизирующего признака: именно обнаружение их в конкретном произведении как раз и позволяет говорить о его принадлежности к авторской песне как самостоятельному и оформленному художественному течению.

Достоверность и новизна результатов диссертации обусловлены ее оригинальной и в целом, несомненно, продуктивной методологией, примененной к широкому (свыше пятисот) кругу текстов (с. 12–13). Предложенный А. В. Зипуновым инструментарий релевантен предмету исследования — различающимся типам макросемантических структур, основанных на бинарных оппозициях *всеобщее — частное* (ЧВ-структуры, с. 69–80) и *порядок — хаос* (ПХ-структуры, с. 119–128). Понятия «блок» (семантический макроэлемент, как правило, соразмерный песенному куплету или припеву) и «проход» (один из этапов многоступенчатого анализа) используются диссертантом в качестве базовых. Разбор песен, таким образом, производится в два прохода: в рамках первого текст делится на смысловые блоки, имеющие локальные значения; в рамках второго эти значения обобщаются до философских категорий (при этом может быть выявлен ключевой блок, проясняющий имплицитные смыслы, с. 80–81). В результате высказывание обнаруживает своеобразный семантический ритм, возникающий в силу чередования противоположных по значению макроэлементов (с. 72–73). Прозрачность обрисованного алгоритма и предельная конкретность результата позволяют А. В. Зипунову дополнить структуралистскую в своей основе методологию типологическими и социологическими процедурами: подвергнутые статистической обработке, итоги анализа авторской песни проецируются на другие художественные системы (русский рок и советскую эстраду, с. 141–155), а также используются для выявления ее генезиса (с. 195–199). Редкая для современного литературоведения обращенность к количественному подходу и визуальному представлению данных (преимущественно в виде графиков — а их на страницах диссертации немало) выгодно выделяет работу А. В. Зипунова среди квалификационных сочинений аналогичного уровня и, несомненно, обеспечит ее востребованность филологическим сообществом.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, определяется опорой на репрезентативный перечень специальных источников, посвященных, с одной сто-

роны, истории изучения авторской песни (исследования В. И. Новикова, А. В. Кулагина, И. Б. Ничипорова, с. 23–51), с другой — ключевым положением структурализма как литературоведческой теории (исследования В. Я. Проппа, К. Леви-Стросса, Ю. М. Лотмана, с. 23–68). Выверенность едва ли не каждого сделанного соискателем аналитического хода во многом и объясняется тщательной проработкой трудов предшественников, однако любой — даже самый универсальный — метод уязвим и накладывает на ученого существенные ограничения. Так, очевидно, что принятая А. В. Зипуновым система координат выводит его на столь высокий уровень абстрагирования, что различия между частными поэтиками, реализующими один и тот же типологический инвариант, с неизбежностью стираются. Безусловно, можно согласиться с тем, что в песенном творчестве М. Анчарова, В. Высоцкого, А. Городницкого, Н. Матвеевой, А. Мирзаяна, А. Клячкина, А. Круппа, Б. Окуджавы и т. д. широко представлены макросемантические структуры ЧВ- и ПХ-типов — но тем интереснее было бы понять, как по-разному они функционируют в индивидуально-авторских художественных системах. Диссертация же А. В. Зипунова сфокусирована исключительно на инвариантных особенностях анализируемых текстов, обеспечивающих их отнесенность к единому типу поэтики, тогда как вариативные компоненты, формирующие неповторимый «почерк» поэта, выпадают из зоны рассмотрения — и это, пожалуй, наиболее уязвимое ее место.

Ценность результатов работы для науки и практики несомненна: структура диссертации в полной мере соответствует ее частным задачам, которые соискатель последовательно и успешно решает. Значимы (хотя и не бесспорны) суждения А. В. Зипунова о том, что семантическая структура авторской песни изоморфна структуре научного высказывания (с. 156–170); о том, что как явление авторская песня возникает в результате развития научно-технической интеллигенции (с. 191–199); о том, наконец, что системный кризис этого течения, совпавший с персональными кризисами некоторых его представителей, выразился в прихотливой соотнесенности ЧВ- и ПХ-

структур (с. 156–170). Оперирование количественными показателями практически на каждом этапе работы придает сделанным выводам необходимую для академического исследования весомость, однако значения этих показателей А. В. Зипуновым никак не прокомментированы. Так, доля высказываний, реализующих оппозицию *частное — всеобщее*, в корпусе произведений авторской песни равняется 43 %, а доля высказываний, реализующих оппозицию *порядок — хаос*, составляет 23 % (с. 135) — однако много это или мало? и какими структурами организуются оставшиеся 34 % текстов? Обращение к точным методам требует от исследователя особой скрупулезности — и данным моментам, несомненно, следовало уделить внимание. Как бы то ни было, полученные соискателем результаты могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин «Современная русская литература», «Новейший отечественный литературный процесс», «Историческая поэтика русской литературы XX в.» на филологических факультетах вузов, а также при разработке спецкурсов, посвященных песенной лирике.

Исследование А. В. Зипунова является итогом длительной работы его автора и имеет солидную апробацию. **Основные результаты диссертации опубликованы в научной печати:** в журнале, рекомендованном ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (1 статья), в рецензируемых изданиях, входящих в перечень ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (7 статей), в материалах конференций (2 статьи). В период подготовки диссертации соискатель неоднократно принимал участие в качестве докладчика в научных мероприятиях самого высокого уровня — и его выступления и публикации адекватно и достаточно полно отражают ее содержание. **Автореферат соответствует основным положениям достойно выполненного диссертационного исследования,** базирующегося на тщательно продуманной методологии, хорошем знании литературы по теме и обширном, глубоко (хотя подчас и односторонне) проанализированном материале.

Замечания по работе носят технический характер и / или сводятся к вопросам, которые хотелось бы вынести на обсуждение. Во-первых, А. В. Зипуновым неверно определен объект исследования (вместо него указывается материал — «тексты резонансных авторских песен 1950–80-х годов», с. 12). Во-вторых, обзору источников, посвященных авторской песне (с. 23–51), явно недостает системности: показательны в этом смысле уже зачины стоящих рядом абзацев — «Хочется дополнительно отметить...», «Также нельзя не упомянуть...», «Безусловно, нельзя не упомянуть...» (с. 43) и т. д., — свидетельствующие, что перед нами скорее аннотированный каталог статей и диссертаций, а не полноценный анализ исследовательских концепций (заметим попутно, что в одном ряду рассматриваются собственно научные работы и авторефлексивные тексты самих поэтов — и это тоже не вполне правомерно). В-третьих, вызывает сомнение специфичность ЧВ-структур именно для авторской песни; не являются ли они неотъемлемой составляющей любого вокального творчества с характерным для него тяготением к повторам и вариациям? Ведь данный семантический ритм без труда обнаруживается в таких принадлежащих разным эпохам, культурным и национальным традициям произведениях, как русская народная песня «Прощай, радость», немецкая “Die liebe Farbe” Ф. Шуберта — В. Мюллера, речитатив и ария Грязного из оперы «Царская невеста» Н. А. Римского-Корсакова, «Так закалялась сталь» Е. Летова — и это почти произвольно выбранные примеры. Наконец, понятия «авторская песня», «бардовская песня», «самодеятельная песня» и даже «авторская самодеятельная песня» используются в работе как синонимичные — но всегда ли между ними можно поставить знак равенства?

В **заключение** отметим, что сделанные замечания не умаляют научных достоинств диссертационного исследования А. В. Зипунова, которое является законченной научно-квалификационной работой, содержащей новое решение научной задачи, открывающее неизвестные прежде грани в изучении авторской песни 1950–80-х гг. как литературного феномена и имеющее важное

